

На правах рукописи

Леттецкая Ольга Михайловна

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ АБОРИГЕНОВ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
В XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Томск 2011

Работа выполнена на кафедре истории и документоведения
ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Шерстова Людмила Ивановна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Дёмин Михаил Александрович

доктор исторических наук, доцент
Никулин Пётр Фёдорович

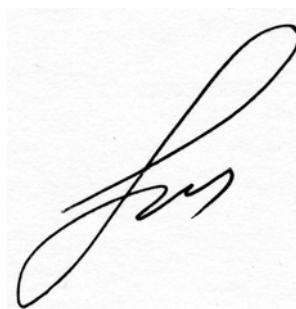
Ведущая организация: ГОУ ВПО «Томский государственный
архитектурно-строительный университет»

Защита состоится «03» июня 2011 г. в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 212.267.03 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, ауд. 41.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: Томск, пр. Ленина, 34а.

Автореферат разослан «25» апреля 2011 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

О.А. Харусь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется современным состоянием российского общества. Во-первых, с 1990-х гг. Россия оказалась в состоянии цивилизационного сдвига, который предопределил новый виток модернизации. Для успешного проведения масштабных и судьбоносных преобразований необходимы как воля правящей элиты, последовательное и целенаправленное претворение намеченного курса, так и сформированное в общественном сознании представление о необходимости и закономерности преобразований. Как правило, «социальная цена» запаздывающей модернизации, которой по сути является российская модернизация, столь высока, что толкает реформаторов на отход от намеченной программы для снижения социальной напряжённости. В результате деформируется направление развития, отставание становится хроническим, порождая рецидивирующую модернизацию. Население же, имея негативный опыт таких переустройств, воспринимает радикальные новации с предубеждением и страхом. Конструктивное сотрудничество элиты и народа в этих условиях чаще всего сводится к нулю.

Современное российское общество, развиваясь в русле рыночной экономики, сталкивается с проблемами, от решения которых зависит создание устойчивой демократической модели развития. А рынок как главное экономическое условие демократии невозможен без многообразия форм собственности, в том числе и в землепользовании. Но представления о частной собственности на землю у большинства российских граждан размыты и не несут в себе категорического императива её незыблемости и неприкосновенности.

Поэтому становится актуальным обращение к историческому прошлому, так как в конце XIX – начале XX вв. правящие круги России, взяв курс на модернизацию и делая ставку на земли за Уралом как на колониционный фонд, необходимый для решения проблемы малоземелья крестьян в европейской части страны, столкнулись с непониманием, недовольством и открытым сопротивлением тех, кому приходилось принимать новые условия землепользования.

Во-вторых, оправдано обращение к проблеме поземельных отношений аборигенов Томской губернии, ибо Россия изначально формировалась как многонациональное государство. Сибирские автохтоны, составляя особое сословие в социальной структуре общества, имели определённые льготы в землепользовании. Политическая линия конца XIX – начала XX вв., направленная на уравнивание этой ка-

тегории подданных в сословно-правовом положении с крестьянством, означала не просто ликвидацию привилегий в отношении земли, но потерю социально-статусной, а в перспективе и этнической идентичности. Однако сформировавшиеся в течение длительного времени существования в пределах Российского государства и взаимодействия с властью ментальные установки с чётко закреплёнными представлениями о своих особых правах, делали процесс адаптации к новым условиям даже той группы аборигенов, которая в результате ассимиляции окончательно потеряла свою этноспецифику, более трудным, вызывая болезненную реакцию и противодействие устремлениям власти.

Современные международно-правовые документы и российское законодательство создают юридические основы для пользования землёй коренными народами, что имеет важнейшее значение для сохранения их этнического своеобразия, так как земля является не только природным ресурсом, но и духовной основой их бытия.

Всё вышеизложенное позволяет считать изучение поземельных отношений аборигенов Томской губернии в XIX – начале XX вв. актуальным и значимым.

Степень изученности темы. До конца XIX в. поземельные отношения как часть социально-экономического уклада автохтонов Томской губернии не являлись предметом специального изучения. Однако проблемы, связанные с положением аборигенов Сибири в российском обществе и особенно рельефно обозначившиеся в конце XIX – начале XX вв., привлекали пристальное внимание публицистов, историков, экономистов¹. Именно тогда эти проблемы стали обозначаться как «инородческий вопрос», который по содержанию был сложен и многогранен².

По мнению исследователей, обострение «инородческого вопроса» во всех его проявлениях во многом было связано с постоянно нараставшим с конца XIX в. переселенческим движением в Сибирь. Аграрная колонизация, с их точки зрения, означала не просто изъятие земель у туземцев, а имела следствием уродливую трансформацию привычного образа жизни и деградацию традиционных видов хозяйственной деятельности коренных народов.

¹ Сибирь: Её современное состояние и её нужды : сб. статей. СПб, 1908.

² Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Её нужды и потребности. Её прошлое и будущее // Ядринцев Н.М. Сочинения. Тюмень, 2000. Т. 1; Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение // Ядринцев Н.М. Сочинения. Тюмень, 2000. Т. 2.

Активное изучение поземельных отношений автохтонов губернии началось в 1890-е гг. и продолжилось в начале XX в. Это не в последнюю очередь было связано со стремлением правительственных кругов унифицировать положение инородцев и крестьян и выявить колонизационные возможности Томской губернии в условиях реформирования аграрного сектора в контексте общей модернизации страны.

В исследованиях А.А. Кауфмана, В.Я. Нагнибеды, Е.С. Филимонова, С.П. Швецова и П.М. Юхнева¹ при описании занятий туземцев рассматривались и поземельные отношения, выяснялось влияние естественно-географических условий и земледельческой колонизации на традиционное землевладение автохтонов. Поскольку обследовались хозяйства инородцев и крестьян, то именно тогда были выявлены как черты сходства форм, способов и методов регулирования землепользования у этих групп, так и особенности, присущие поземельным отношениям аборигенов.

В 1920-е гг. появление работ о жизненном укладе автохтонов было связано с планами уже советской власти по интенсивному освоению территорий Сибири. Тогда вышли работы Л.Н. Добровой-Ядринцевой, В.Я. Нагнибеды, Е.Н. Орловой². В них были собраны сведения о расселении, промыслах, доходности хозяйств аборигенов. Но поземельные отношения авторами не затрагивались.

Широкий научный кругозор predetermined обращение к истории Сибири С.В. Бахрушина³. Он не только изучал процесс продвижения русских за Урал, роль торгово-промысловой колонизации, приведение в подданство, привлечение на

¹ Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Экономический быт государственных крестьян Восточной части Томского округа и Северо-Западной части Мариинского округа Томской губернии. Исследование А.А. Кауфмана. СПб., 1892. Вып. XIV, т. I; Нагнибеда В.Я. Нарымский край. Материалы статистико-экономического исследования 1910–1911 гг. Томск, 1927; Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Северо-Западной Барабы, или Спасского участка Каинского округа Томской губернии / Исследование Е.С. Филимонова. СПб., 1892. Вып. XVII; Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. Землевладение и землепользование / сост. С.П. Швецов и П.М. Юхнев. Барнаул, 1898. Т. II, вып. II.

² Доброва-Ядринцева Л.Н., Шнейдер А.Р. Население Сибирского края. (Русские и туземцы). Новосибирск, 1928; Нагнибеда В.Я. Томская губерния. Статистический очерк. 2-е доп. изд. Томск, 1920. Вып. 1; Орлова Е.Н. Население по рекам Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт. Работы Научно-Промысловой Экспедиции по изучению реки Оби и ее бассейна. Красноярск, 1928. Т. I, вып. 4.

³ Бахрушин С.В. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III : Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 1; Он же. История народов Сибири в XVI–XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III : Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2.

службу аборигенов и даннические связи, но характеризовал общественный строй, занятия, обычаи и верования туземного населения.

В 1930-е гг. начинается активная научная деятельность Л.П. Потапова по изучению этнической истории народов Южной Сибири¹. С 1940-х гг. он занимался социально-экономическими отношениями автохтонов².

Со второй половины 1940-х г. исследование истории Сибири связано с именем В.И. Шункова³. Его научный интерес был направлен и на изучение аграрной истории⁴. Именно В.И. Шунков обратил внимание на систему поземельных отношений, которую Московское государство привнесло в Сибирь и которая не противоречила сложившимся у части аборигенов в дорусский период их истории представлениям о взаимоотношениях власти и подданных по поводу земли.

Изыскания учёных-сибиреведов были продолжены во второй половине XX в. В 1950-е гг. публикуются новые труды Л.П. Потапова⁵. Характеризуя землепользование алтайцев и хакасов в XIX в. как общинное, он указывал на процессы его разложения и появления частного землевладения зайсанов и баев. Позднее этот тезис был подвергнут критике, поскольку независимо от экономической состоятельности закреплённых на законодательном уровне частновладельческих прав на земли туземцы не имели. Затрагивал Л.П. Потапов последствия аграрной политики правительства для землепользования и традиционных видов хозяйства автохтонов. Методологической основой анализа указанного спектра проблем являлась классовая теория государства.

Среди региональных учёных, начинавших научную деятельность в 1940-е гг., прежде всего необходимо назвать З.Я. Бояршинову. Тематика её исследований включала в себя заселение и земледельческое освоение сибирских территорий и Томского уезда, этнический состав, общественные отношения, занятия и землепользование большесемейных общин коренного населения⁶.

¹ Потапов Л.П. Очерк истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск, 1933; Он же. Очерки по истории Шории. М.; Л., 1936.

² Потапов Л.П. Общественные отношения у алтайцев // Историк-марксист. 1940. № 11. С. 100–115; Он же. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948.

³ Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начало XVIII века // Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 25–192.

⁴ Шунков В.И. «Опыты» в сельском хозяйстве Сибири XVII в. // Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952. Сб. 1. С. 226–245; Он же. Очерки по истории земледелия Сибири. (XVII век). М., 1956.

⁵ Потапов Л.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан, 1952; Он же. Народы Южной Сибири. Новосибирск, 1953.

⁶ Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского государственного университета. Сер. историческая. 1950. Т. 112. С. 23–210.

В 1960–1990-е гг. Л.П. Потапов, Г.И. Пелих, З.Д. Титова, Н.А. Томилов, Ф.А. Сатлаев, Н.В. Лукина, В.М. Кулемзин¹, освещая этническую историю аборигенов Западной Сибири, касались и поземельных отношений. Все авторы указывали, что поземельные споры не определяли взаимоотношения русских и туземцев, ибо в положении этих податных категорий было больше сходства, чем различий.

В монографии В.А. Зибарева «Юстиция у малых народов Севера»² при анализе системы управления и судопроизводства у автохтонов севера Сибири рассматривался комплекс вопросов правового регулирования землепользования, в основе которого лежали нормы обычного права. Подчёркивалось, что с присоединением к России на территории Сибири сложилась дуалистическая правовая система, заключающая в себе государственное право и нормы обычного права коренных народов.

И.А. Асалханов, М.М. Громько, Н.Ф. Емельянов, А.Н. Жеравина, В.П. Зиновьев, Н.А. Миненко³, чьи научные интересы были связаны с историей переселенческого движения, крестьянской колонизации, промыслово-хозяйственного освоения Западной Сибири, функционирования приписной деревни и землепользования

¹ Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л., 1969; Он же. Тубалары Горного Алтая // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 52–66; Пелих Г.И. К вопросу о родо-племенном строе нарымских селькупов (2-я половина XIX в.) // Труды Томского государственного университета. Сер. историческая : сб. научных работ исторических кафедр. 1963. Т. 165. С. 137–148; Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск, 1981; Титова З.Д. Барабинские татары (историко-этнографический очерк) // Из истории Сибири : сб. ст. Томск, 1976. Вып. 19. С. 108–147; Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья (Хозяйство и материальная культура). Томск, 1980; Он же. Сибирские татары: опыт проживания в диаспоре // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск, 1997. С. 30–47; Сатлаев Ф.А. Сельская община кумандинцев во второй половине XIX – первой четверти XX в. // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 100–114; Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Ханты: чужие на своей земле? // Народы Сибири: права и возможности Новосибирск, 1997. С. 104–121.

² Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск, 1990.

³ Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 1975; Громько М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965; Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1981; Жеравина А.Н. Освоение русскими крестьянами Кабинетских земель на Алтае (2-я половина XVIII в.) // Вопросы истории Сибири : сб. ст. : труды Томского государственного университета. Сер. историческая. 1965. Т. 158, вып. 2. С. 235–243; Она же. Особенности заселения и сельскохозяйственного освоения Сибири в конце XVII – первой половине XIX века // Американские исследования в Сибири. Американский и сибирский фронт : матер. междунар. конф. «Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)» 4–6 октября 1996 г. Томск, 1997. Вып. 2. С. 45–53; Зиновьев В.П. Озерное рыболовство в Сибири в XIX – начале XX вв. // Хозяйственное освоение Сибири : история, историография, источники. Томск, 1991. С. 62–67; Миненко Н.А. Влияние русского крестьянства на хозяйство аборигенов Западной Сибири в XVII – первой половине XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII – XX вв.) : сб. науч. тр. Новосибирск, 1979. С. 92–106.

приписных крестьян, не могли обойти вопроса о поземельных отношениях между русскими и автохтонами, поскольку их производственная деятельность разворачивалась на одних и тех же территориях. Изменения в хозяйстве и бытовых условиях туземцев напрямую связывались с влиянием крестьянской земледельческой культуры.

В различных аспектах исследователями рассматривалась государственная аборигенная политика: попытки власти распространить на автохтонов Сибири положения реформ 1860–1870-х гг., проведение в конце XIX – начале XX вв. административно-податного реформирования и поземельно устроительных работ, поощрение переселенческого движения в начале XX в.¹

С позиций социокультурного подхода характеризовала аборигенную политику Российской империи Е.П. Ковалышкина².

Из работ, в которых затрагивался самый широкий круг вопросов, связанных с историей коренных народов Сибири, важно отметить многотомное издание «История Сибири с древнейших времен до наших дней», поскольку здесь нашли отражение проблемы колонизации и взаимоотношений пришлого и автохтонного населения, в том числе в сфере землепользования, развития экономических связей, политики государства в отношении аборигенов и аборигенного землевладения.

Н.С. Модоров при изучении установления многоплановых отношений между Россией и Горным Алтаем рассматривал общественный уклад, структуру хозяйства, землепользование алтайцев, обозначив айльную общину как дуальную, поскольку в ней коллективная собственность на землю сочеталась с семейной собственностью на орудия производства и скот³.

¹ Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск, 1983; Он же. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX века). Иркутск, 1986; Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX вв.). 2-е изд. М., 1995; Жидков Г.П. Переселенческая политика Кабинета в 1865–1905 г. // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 365–374; Елбачева Г.А. Землеустройство в Горном Алтае (1911–1913 гг.) // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX – 1917 г.). Красноярск, 1982. С. 54–64; Когут М.Т. Начальный этап поземельного устройства сибирских крестьян (1896–1906 гг.) // Аграрная политика царизма в Сибири. Омск, 1988. С. 3–25; Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962; Соловьева Е.Н. Переселение крестьян в Томскую губернию в период столыпинской аграрной реформы : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1956.

² Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в концепциях государственной политики и областной мысли : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999.

³ Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: Политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск, 1996. С. 167.

Проблемам этнополитической истории тюрков Южной Сибири посвящены работы Л.И. Шерстовой¹, в которых с позиции глобального этногенеза исследовались процессы этнической консолидации, миксации, ассимиляции и аккультурации, протекавшие у тюркских групп этого региона в период XVII–XIX вв. К анализу взаимодействия Российского государства с аборигенами автор подошла с точки зрения евразийского начала в русском этносе и евразийского политического наследия Российского государства, показав, какие последствия это имело для развития этнических, социально-политических и культурных процессов в среде южносибирских тюрков.

В начале XXI в. изыскания по истории автохтонного населения Томской губернии XIX – начала XX вв. осуществлялись в русле основных направлений предшествующих периодов².

Вопросы, касающиеся этнической истории, занятий, хозяйственного уклада, поземельных отношений, культуры, образа жизни, быта, межэтнического взаимодействия, освещены в коллективной монографии «Тюркские народы Сибири» (2006 г.).

Авторы обобщающего исследования «Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов»³, характеризуя расширение переселенческого движения и правительственный курс на форсированное уравнивание аборигенов в административном, податном, поземельном отношении с крестьянами, следствием этих процессов называют существенное сокращение земельных угодий туземцев и ухудшение этнополитической ситуации в Сибири в начале XX в.

Таким образом, в сибиреведении имеется достаточное количество трудов, в которых в разных аспектах рассматривались вопросы, связанные с аграрными отношениями и аборигенным землевладением в Томской губернии в XIX – начале XX вв. Однако поземельные отношения автохтонов в социально-экономическом,

¹ Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XIX веках. Томск, 1999.

² Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения в XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2001; Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005; Дорофеев М.В. Поземельные отношения в Горном Алтае в конце XIX в. (крестьяне-земледельцы и кочевники-скотоводы) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С.177–179.

³ Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.

политико-правовом и социокультурном контексте с учётом определённых территориальных и хронологических рамок не были предметом специального изучения. Это придаёт дополнительную научную актуальность заявленной теме.

Объектом диссертационного исследования определены социально-экономические отношения в хозяйственно-культурной системе аборигенов Томской губернии в XIX – начале XX вв. В категорию «аборигены» отнесено коренное население Томской губернии, которое по «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. составляло особое сословие Российской империи.

Предмет исследования – поземельные отношения автохтонов Томской губернии в XIX – начале XX вв.

Целью данной работы является выявление изменений в поземельных отношениях аборигенов Томской губернии на протяжении XIX – начала XX вв.

Реализация поставленной цели потребовала решения следующих **задач**:

- 1) определить условия и факторы, оказывавшие влияние на характер, формы и способы аборигенного землевладения в период XIX – начала XX вв.;
- 2) охарактеризовать конкретные формы и способы землевладения автохтонов, сравнив их с формами и способами крестьянского землевладения;
- 3) проанализировать взгляды аборигенов на условия возникновения прав на земельные угодья и сущность земельной собственности, сравнив с представлениями крестьян-сибиряков;
- 4) выявить изменения, происходившие в поземельных отношениях аборигенов в условиях развития переселенческого движения в Томскую губернию и контактов автохтонов с русскими крестьянами и промысловиками;
- 5) рассмотреть изменения политической линии российской власти в отношении аборигенного землевладения на протяжении исследуемого периода;
- 6) определить, как изменения аборигенной государственной политики повлияли на развитие поземельных отношений аборигенов.

Территориальные рамки определяются границами Томской губернии, которые сложились на начало XX в. К этому времени в её состав входило семь уездов: Томский, Мариинский, Каинский, Кузнецкий, Бийский, Барнаульский, Змеиногорский. В современном административно-территориальном делении это – Томская, Новосибирская, Кемеровская области, Алтайский край, Республика Алтай и часть Восточно-Казахстанской и Павлодарской областей Республики Казахстан.

Хронологические рамки охватывают XIX в., т. е. период со времени оформления Томской губернии в самостоятельную территориально-административную единицу Российской империи, когда происходит постепенное нарастание объективных потребностей в новой волне модернизации – нижняя граница исследования – начало XX в., когда в контексте модернизационных устремлений правительство активно проводит политику реформирования аграрного сектора, в процессе которого затрагивались интересы основных землепользователей Томской губернии, в том числе и автохтонов, – верхняя граница исследования. Для выявления существенных характеристик аграрных отношений и понимания политики российской власти в отношении аборигенного землевладения в ряде случаев правомерно было обращение к более ранним периодам истории (XVII–XVIII вв.).

Методология и методы исследования. Главным принципом научного познания является принцип историзма. Поскольку изучение общества сопряжено с рядом трудностей вследствие того, что на процессы, протекающие в нём, накладывают отпечаток объективные и субъективные факторы, необходимо исследовать социальные явления в их многообразных связях, взаимозависимости и развитии. Принцип историзма предполагает рассмотрение исторических фактов в совокупности, с учётом конкретно-исторической обстановки, выявление причинно-следственных связей, способствующих пониманию сути происходящих в обществе событий, процессов и явлений.

Так как при характеристике поземельных отношений аборигенов Томской губернии прослеживалась связь экономических отношений, разновидностью которых являются поземельные отношения, с духовной сферой жизни общества через анализ представлений, мнений людей, с политической сферой через конкретные решения и практические шаги власти в отношении земель аборигенов, представлялось сложным в рамках одной научной парадигмы рассмотреть все аспекты предлагаемой темы. Поэтому методологической основой послужили теоретические положения о евразийской специфике российской цивилизации, теория государственного феодализма и теория модернизации.

Российская цивилизация из-за «промежуточного» положения между Западом и Востоком представляет собой симбиоз, включающий европейские и азиатские черты. В этом смысле «евразийцы» Г.В. Вернадский, Н.С. Трубецкой, П.Н. Савиц-

кий, П.П. Сувчинский, Г.В. Флоровский и др., акцентировавшие внимание на особом пути России, обозначили российскую цивилизацию как евразийскую.

Б.С. Ерасов, отмечая условный характер православной идентичности российской цивилизации в силу культурной и конфессиональной гетерогенности общества, типологически причислял её к «гибридному» или дуальному типу, под которым понимается «наличие устойчивых социокультурных принципов регуляции общества, присущих как Западу (личностное начало, расширение сферы светской культуры, секуляризация государственно-административной регуляции, военнотехническая мощь и пр.), так и Востоку (сохранение устойчивых аскриптивных связей)»¹. Это, в свою очередь, определило особенности российской модернизации², важнейшими из которых являются противоречивая роль государства и глубокий социокультурный раскол общества по отношению к определённому этапу модернизации³.

Проблематика системы государственного феодализма получила активное освещение в отечественной исторической литературе в 1960–1970-е гг. Специфика поземельных отношений в России, обусловленная государственной собственностью на значительную часть земель Сибири, рассматривалась в работах А.А. Преображенского, В.А. Александрова и др.⁴. В 1990-е гг. связи с обсуждением методологической состоятельности формационной теории вновь было обращено внимание на своеобразие социально-экономического и политического развития России в новое время⁵.

Определение отличительных черт российской цивилизации и процесса модернизации, достаточно широкая интерпретация понятия «государственный феодализм», несводимость его исключительно к экономическому содержанию в совокупности с понятием «вотчинный строй»⁶ помогли выявить специфику политики

¹ Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002. С. 428.

² Опыт российских модернизаций. XVIII–XIX века. С. 50–52.

³ Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004. С. 170–171.

⁴ Александров В.А. Проблематика системы государственного феодализма в Сибири XVII века // История СССР. 1977. № 1. С. 97–108; Преображенский А.А. Эволюция феодальной земельной собственности в России XVII – начала XIX века // Вопросы истории. 1977. № 5. С. 46–62; Разгон И.М., Сухотина Л.Г. К вопросу о «государственном феодализме» в Сибири (о книге Л.Ф. Склярова «Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы») // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 295–301.

⁵ Система государственного феодализма в России : сб. ст. М., 1993. Вып. 1.

⁶ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993; Каррер д'Анкокс Э. Незавершенная Россия. М., 2005.

государства в отношении аборигенного землевладения, установить характерные черты поземельных отношений, складывавшихся между государством и автохтонами, автохтонами и другими землепользователями, понять причины перманентной непоследовательности власти в проведении аграрных преобразований в Сибири и отсутствия консолидированного согласия между властью и туземными сообществами при поземельном переустройстве, развернувшемся в конце XIX – начале XX вв.

При работе над диссертацией использовались как общенаучные методы познания: анализ, синтез, дедукция, индукция, абстрагирование, обобщение, так и методы собственно исторического познания: историко-сравнительный, историко-типологический. Историко-сравнительный или компаративный метод позволил на основе сопоставления аборигенного и крестьянского землевладения выявить общие и специфические черты форм и способов землепользования автохтонов Томской губернии, охарактеризовать понимание ими сущности земельной собственности и условий возникновения прав на земли, сравнив с представлениями крестьян. Историко-типологический метод дал возможность показать характерные формы и способы землевладения, общность взглядов на собственность и аграрные отношения разных групп автохтонов: земледельцев, кочевников-скотоводов, промысловиков.

Источниковая база включает в себя опубликованные документы и архивные источники. В работе использованы материалы 126 дел 6 фондов Государственного архива Томской области. Все письменные исторические источники, представленные в работе, можно разделить на несколько видовых групп.

В группу законодательных источников сведены нормативные документы, которые состоят из законодательных актов центрального правительства и постановлений местных органов управления и решений судов. Нормативно-правовые акты высшей власти, которые определяли сословную принадлежность сибирских автохтонов, а также регулировали вопросы землепользования на территории Сибири, в том числе и на территории Томской губернии включены в «Полное собрание законов Российской империи», «Свод законов Российской империи», опубликованы в издании «Памятники русского права».

Решения и постановления Тобольской, Томской воеводских канцелярий, Томского губернского правления, Томского губернского управления, распоряжения Томских губернаторов и генерал-губернаторов Западной Сибири, решения Томской

Казённой палаты, Общего присутствия по крестьянским делам и различных судебных инстанций были выявлены в ходе работы в Государственном архиве Томской области в соответствующих фондах. Эти документы позволяли проследить, как изменения политической линии центральной власти в отношении землевладения аборигенов воплощалось в практике местных административных органов. В архивных источниках содержатся сведения, подтверждающие наличие у туземцев документов («данных», жалованных грамот), которые доказывали их права на закреплённые за ними земельные угодья.

Ко второй группе источников отнесены неопубликованные и выявленные в архивных фондах делопроизводственные материалы. Их можно разделить по тематическим блокам: рапорты и отчёты крестьянских начальников, землемеров, лесничих; приговоры инородческих обществ и крестьянских сходов; прошения и жалобы доверенных от инородцев и крестьян.

Рапорты и отчёты содержат информацию о положении дел в инородных управах, о понимании автохтонов сути поземельных отношений. В этих документах зафиксированы подчас непростые взаимоотношения инородцев с другими категориями землепользователей.

Приговоры инородческих обществ и сельских крестьянских сходов как исторические источники ценны тем, что проливают свет на отношение к аграрным преобразованиям тех, кого эти преобразования затрагивали.

Прохения и жалобы структурно и содержательно однотипны, но важны для исследования. Достаточное количество таких документов позволяет говорить о том, что проблемы, по поводу которых инородцы апеллировали к власти, были типичными, поднимаемые вопросы затрагивали интересы не отдельного человека или группы, но касались большинства представителей данного социального слоя. В этих источниках содержится весьма существенная историко-антропологическая информация, позволяющая понять мотивы и поступки людей. Использование такого рода документов предполагало критическое отношение к ним, поскольку в них закрадывалась и недостоверная информация (например, преувеличение степени собственной экономической несостоятельности для доказательства нецелесообразности изменений в налогообложении). Но обращение к этому виду источников оправдано и правомерно, так как появлялась возможность, во-первых, выявить характерные черты менталитета и стереотипы, господствовавшие в общественном созна-

нии, во-вторых, понять, насколько адекватной была реакция правящего класса, т. е. насколько действенной была связь между обществом и властью.

Третью группу составили статистические источники, которые можно разделить на две подгруппы.

Первая подгруппа содержит материалы, включающие в себя результаты социально-экономических обследований по уездам (округам) и инородным управам: отчёты по переписям населения, данные о занятиях, количестве земли, находившейся в пользовании инородцев и крестьян, её хозяйственном освоении. Почерпнуты они были в архивных фондах, а также в «Обзорах Томской губернии» (1882–1912 гг.), трудах А.А. Кауфмана, В.Я. Нагнибеды, Е.С. Филимонова, С.П. Швецова и П.М. Юхнева и др. Эти показатели позволяли охарактеризовать различные аспекты экономического состояния аборигенного хозяйства: формы и способы землевладения, степень развитости земледелия, промыслы, изменения в землепользовании.

Вторая подгруппа – это данные, связанные с развитием переселенческого движения в конце XIX – начале XX вв. Материалы, касающиеся численности переселенцев, образования переселенческих участков, оседания переселенцев в инородных управах, позволяли выявить, как развитие колонизации влияло на поземельные отношения в Томской губернии и на изменения в аборигенном землевладении. Эти сведения были выявлены в архивных материалах и в опубликованных сборниках «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом», в отчётах «Переселения и заготовка земель для переселенцев. (Важнейшие цифровые данные за последние годы)», «Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. и отчет по переселению и землеустройству за 1910 г.», в «Обзорах Томской губернии», в работах А.А. Кауфмана, Д.А. Клеменца, С.П. Швецова и П.М. Юхнева.

Периодическая печать, составившая четвёртую группу источников, представлена статьями из газеты «Сибирская жизнь». В газетных публикациях отражались сложность процесса поземельного устройства аборигенов в условиях реформирования аграрного сектора экономики в начале XX в. и позиция той части интеллигенции, которая поднимала вопрос защиты прав автохтонного населения на издревле принадлежащие им земли.

Дневники, путевые заметки, экономико-географические и этнографические описания учёных-путешественников составляют ещё одну группу документов, которая была привлечена для написания диссертации. В записках, путевых заметках,

очерках И.П. Фалька, Г.Ф. Миллера, М.А. Кастрена, А. Адриянова, Г.Н. Потанина, М.М. Самохвалова, Н.М. Ядринцева даются не только зарисовки жизни и быта аборигенов Томской губернии, но содержатся важные свидетельства о поземельных отношениях этой группы населения.

Научные труды, появление которых стало результатом природно-климатического, гидрологического и геоботанического обследования Томской губернии¹, были использованы, поскольку данный вид источников позволил выяснить планы правительства по дальнейшей организации переселений в Томскую губернию и определить перспективы для землепользования аборигенов в районах, куда предполагалось направлять колонизационный поток.

Таким образом, имевшиеся в распоряжении диссертанта источники при всех их различиях по происхождению, глубине, степени обобщения, а также репрезентативности в совокупности с использованной научной литературой позволяли с достаточной долей полноты и объективности проанализировать процессы, происходившие в поземельных отношениях аборигенов Томской губернии в течение века в условиях объективно нараставших модернизационных тенденций.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в самой постановке проблемы. Впервые с учётом этнодемографической структуры населения, хронологических и территориальных границ, с опорой на широкий круг архивных и документальных источников рассматривается комплекс проблем, касающихся поземельных отношений аборигенов Томской губернии в период XIX – начала XX вв.: выявляются способы и формы землевладения аборигенов, рассматривается связь поземельных отношений с представлениями автохтонов о своих правах на земли, анализируется степень адаптации автохтонов в условиях изменения политической практики российской власти в отношении аборигенного землевладения.

Сопоставление инородческого и крестьянского землевладения и взглядов аборигенов и крестьян позволило показать черты сходства форм и методов регулирования поземельных отношений и понимание сущности земельной собственности этих групп производителей, в тоже время рельефнее обозначить специфику, которая отличала землепользование и правосознание автохтонного населения в связи с поземельными отношениями.

¹ Выдрин И.П., Ростовский З.И. Предварительный отчет по исследованию почв северной части Алтайского округа. Барнаул, 1896; Отрыганьев А.В. Краткое описание Западной части Нарымского края : материалы к изучению колонизационных районов Азиатской России СПб, 1910.

Практическая значимость работы связана с тем, что полученные выводы позволяют понять причины неоднозначного восприятия различными социальными группами перемен, вызванных процессами модернизации, осуществлявшимися в нашей стране в разное время, а также выявить трудности адаптации населения к новым условиям жизни. Это позволяет корректировать методы реформирования современного российского общества.

Результаты исследования могут быть использованы при написании обобщающих трудов как по аграрной истории, так и по истории автохтонного населения Западной Сибири, в частности при исследовании трансформаций хозяйственного уклада аборигенов, а также в работах о взаимодействии различных слоёв общества и власти по ключевым вопросам жизнедеятельности.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации отражены в 7 статьях. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры истории и документоведения Томского государственного университета.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Во **введении** обосновывается актуальность темы, выявляется степень её изученности, определяются цель, задачи, объект и предмет исследования, обозначаются хронологические и территориальные рамки, характеризуется методологическая основа и источниковая база, отмечается научная новизна и практическая значимость данной работы.

Первая глава **«Аборигенное землевладение в социально-экономической системе Российского государства»** состоит из трёх разделов.

В первом разделе **«Политическая практика российской власти в поземельных отношениях с аборигенными сообществами Томской губернии до середины XIX в.»** акцентируется внимание на политике государства в поземельных отношениях с аборигенами в указанный период, характеризуется её идеологическая основа.

Длительный период освоения русскими территорий Томской губернии (с XVII в. до середины XIX в.) политическая практика Российского государства в от-

ношении аборигенного землевладения носила охранительный характер, ибо главным побудительным мотивом освоения зауральских территорий выступал вопрос о поступлении в казну мягкой рухляди. Поэтому власть не только не ставила под сомнение право автохтонов на использование территорий их исконного обитания, но и закрепляла разного рода документами (жалованные грамоты монархов, указы Сената, «данные» местных административных органов), а с 1822 г. и «Уставом об управлении инородцев» эти земли за коренным населением. Суды и управленческие структуры конкретными решениями в поземельных конфликтах между аборигенами и русскими засельщиками защищали земельные владения автохтонов.

Причины сохранения практики покровительства сибирским туземцам после введения в действие норм «Устава» связаны с двойственностью идеологического обоснования и реализации политической линии российской власти в отношении землепользования автохтонов. С одной стороны, в основе кодекса М.М. Сперанского лежали просветительские идеи естественного поступательного развития общества, единства и стадиальности исторического пути человечества, естественных прав и равенства людей. Это воплотилось, во-первых, в закреплении за автохтонами не только определённого круга обязанностей, но и достаточно широких прав в социально-экономической, культурной сферах, в области управления, во-вторых, в разделении аборигенов на разряды в соответствии со степенью «гражданского их образования и по настоящему образу жизни», в-третьих, в определении критерия оценивания их продвижение «от дикости к цивилизации» – через принятие образа жизни крестьян.

С другой стороны, просветительские идеи сочетались с традиционным подходом к управлению инородцами. Традиционализм проявлялся не только в том, что управление аборигенами было выстроено с учётом присущих им способов организации власти и судопроизводства на основе обычаев и традиций, не только в том, что вмешательство российских административных органов в производственную и быденную жизнь было сведено к минимуму, но и в том, что инородные управы, осуществлявшие административно-фискальные функции, представляли не территориальные образования, так как не имели конкретно закреплённых территорий, а податные единицы, которые учитывали количество облагаемого ясаком населения. В этом обнаруживалась прежняя евразийская традиция Российского государства.

Этот идеологический дуализм, закреплённый в «Уставе», связан с тем, что к моменту создания данного законоположения ни сущность политического устройства, ни система социально-экономических отношений в Российской империи не претерпели коренных изменений, так как по-прежнему государство выступало инициатором всех изменений, проявляя повышенный интерес ко всем сторонам жизни общества. Собственно переход в XVIII в. к построению государственных начал на идеях рационально организованного общества, усиление центростремительных тенденций в государственном строительстве с направленностью на создание в будущем этнически гомогенного общества не означали отступления от традиционного подхода в отношениях с аборигенами. Напротив, инновации органично вобрали в себя евразийские черты.

Во втором разделе **«Представления аборигенов Томской губернии об условиях возникновения права на землю»** на основе сравнительно-исторического анализа взглядов инородцев и крестьян выявляются общие и особенные черты представлений аборигенов на условия возникновения прав на землю.

Как русские крестьяне, томские автохтоны полагали, что обладают определённым набором прав в отношении земель, на которых они издавна жили и хозяйствовались. Эти права в их понимании состояли в возможности владеть, пользоваться и распоряжаться земельными угодьями. При этом все правомочия собственности в правосознании туземцев были слиты, что предполагало наличие нескольких её субъектов. Исходя из этого, противоречия между возможностью распоряжаться производственными угодьями и существованием собственника в лице государства туземцы, как и крестьяне, не видели.

Аборигены признавали труд в качестве первоисточника имущественных прав на землю, т. е. собственности как основополагающей ценности хозяйственной культуры и инородцы, и крестьяне придавали одинаковое значение, идентифицируя её с используемыми для земледелия, скотоводства и промыслов территориями, ибо для подготовки земли к производственной деятельности был затрачен труд. В этом смысле трудовое право собственности, по их представлениям, было первично по отношению к юридическому праву.

Как и русские крестьяне, аборигены ещё одним условием принадлежности земли тому или иному лицу или сообществу считали давность эксплуатации. Смы-

словое значение «давности», определявшейся как изначальное обитание в Сибири, использовалось туземцами в поземельных спорах с русскими. В соединении трудового принципа с давностью в определении прав на землю проявлялась двойственная природа не только русского крестьянина, но и туземца-скотовода и промысловика.

Кроме того, для аборигенов не являлось противоречивым положение, при котором податная зависимость от государства сочеталась с отношением к хозяйственным угодьям как к собственным владениям. Как русские крестьяне считали тягло своеобразным способом служения государству, так и аборигены воспринимали ясак как необходимое условие существования в государстве, а податное состояние не только не означало прекращения прав на занимаемые территории, напротив, предполагало эти права. Представления о своей зависимости от государства и одновременно широких правах в отношении земель существовали в сознании этих категорий населения в органическом единстве.

Сходство взглядов русских крестьян и томских автохтонов на условия возникновения прав на землю имеет своё объяснение.

Во-первых, оно обуславливалось единой основой общественного развития и российского общества, и туземных сообществ Сибири – традиционализмом. В традиционном обществе, основой которого являлась аграрная экономика, с возникновением государства сосуществовали, накладываясь друг на друга, государственное и обычное право. Это означало, что правосознание инородцев, как и крестьян, было дуалистичным.

Во-вторых, немаловажную роль в порождении близких по содержанию взглядов на условия возникновения прав на земельные угодья сыграло сходство политической традиции Московского царства и государственных образований, в которых существовали сибирские автохтоны до русской колонизации. Смысл этого сходства состоит в том, что для государства территориальная экспансия не являлась самостоятельной внешнеполитической целью, а лишь средством увеличения числа подданных, поскольку настоящим богатством представлялась не собственно земля, а люди, её населяющие и способные трудом приумножать могущество державы.

Следовательно, и в дорусской истории аборигенов, и в историческом прошлом Российского государства было достаточно точек соприкосновения и в право-

вом оформлении политических институтов, и в положении зависимого населения, и в их представлениях о своей связи с землёй, чтобы поземельные отношения в условиях русской колонизации могли быть адекватно восприняты томскими автохтонами.

В третьем разделе «**Землевладение аборигенов Томской губернии и понимание ими сущности земельной собственности**» характеризуются формы и способы аборигенного землевладения и представления о собственности на землю в правосознании туземного населения Томской губернии в XIX – начале XX вв. Констатируется, что коллективное владение и пользование земельными угодьями у автохтонов имело сходство с крестьянским землевладением и землепользованием, а взгляды туземцев на сущность земельной собственности в некотором смысле совпадали с таковыми же крестьян.

На протяжении XIX–XX вв. землевладение аборигенов Томской губернии было коллективным и индивидуально-семейным в рамках общин различного типа: территориальных, большесемейных, соседских и общин с чертами родового деления. Специфика поземельных отношений проявилась в тесной связи их с отношениями родства. При этом в условиях, когда классического рода не существовало, поземельные отношения облекались в родовую оболочку под действием двух взаимообусловленных факторов, связанных с включением Сибири в состав России.

Опосредованная ясачной политикой государства ориентация на пушную специализацию хозяйства автохтонов и усиливавшаяся земледельческая колонизация, приводившая к изъятию у них земель, потребовали от аборигенов найти действенный способ закрепления исключительных прав на земли. И обозначение угодий как родовых как нельзя лучше подчёркивало исконность и неприкосновенность территорий проживания и хозяйствования автохтонов. С этой позиции «родовые угодья» свидетельствовало о высокой степени адаптации аборигенов к новой ситуации.

Иностранческое землевладение, как и крестьянское, характеризовалось дистрибуцией прав собственности между несколькими субъектами: вертикальной – между государством и землепользователями, горизонтальной – между общиной (родом) и семьёй. Вертикальная иерархичность собственнических прав на землю означала, что государство нормативно-правовыми актами обеспечивало автохтонам право владеть и пользоваться промыслово-хозяйственными угодьями, а аборигены как землепользователи несли повинности в пользу верховного собственника. В гори-

горизонтальном распределении прав земельной собственности проявлялась посредническая функция общины в отношениях между инородцами и государством. Община не только регулировала землепользование, но и стояла на страже владельческих прав, делегированных государством, выступая от имени туземцев в поземельных спорах. Горизонтальная соподчинённость проявлялась и в праве наследования, которое осуществлялась на индивидуально-семейном и на общинном уровнях.

Органическая сращенность с землёй, характерная для производителя традиционного общества, порождала сакрализацию земли и представление о земле как о собственном продолжении. Но если связь крестьян с землёй можно охарактеризовать как двуединство отношений: с одной стороны, к окультуренному наделу как к собственному продолжению, а с другой, к нетронутой преобразовательной деятельностью земле как к «Божьей», «ничьей», которой может воспользоваться каждый, приложив к ней труд, то отношение аборигенов к земле характеризовалось нерасчленённостью: земля независимо от того, кто ей пользуется, имеет «хозяина», доверившего людям следить за ней и передавать из поколения в поколение в первоизданном виде.

Эти различия во взглядах проистекали из приоритетов в хозяйственной деятельности русских и туземцев. Для крестьян основой жизненного уклада являлось земледелие со сложным производственным циклом взаимодействия человека и природы, для большинства аборигенов такой основой были промыслы и скотоводство, которые при минимальном вмешательстве человека в природный процесс позволяли получить жизнеобеспечивающий продукт.

Таким образом, поземельные права аборигенов ограничивались правом владения, пользования и присвоения результатов использования земли как фактора производства. Понимание аборигенами сущности земельной собственности не соответствовало ни собственности первобытной эпохи, ни собственности в современном её значении. Это был переходный взгляд в условиях трансформации общества от традиционного типа к индустриальному.

Вторая глава **«Поземельные отношения аборигенов в условиях развития переселенческого движения во второй половине XIX – начале XX вв.»** состоит из трёх разделов.

В первом разделе **«Землепользование аборигенов в условиях сохранения вольно-захватного способа землевладения»** анализируются причины сохранения

вольно-захватного способа землевладения и выявляются изменения в поземельных отношениях автохтонов.

В конце XIX – начале XX вв. у аборигенов Томской губернии доминирующим в приобретении прав на земли различного хозяйственного назначения являлся захватный способ. При этом у аборигенов, как и у крестьян, преобладал не собственно захват, а вольно-захватный способ, при котором необходимо было не только занять, но и постоянно использовать землю в хозяйственном обороте.

Главными условиями, при которых стало возможно постоянное воспроизводство вольно-захватного способа землепользования, выступали земельный простор и растянутые во времени, не носившие вплоть до конца XIX в. целенаправленно-ограничительного характера поземельно устроительные работы.

Поэтому регулирование поземельных отношений осуществлялось в массе своей по-прежнему на основе обычая. Эволюция способов пользования землёй происходила естественным путём, когда в этом возникала потребность, обусловленная объективными предпосылками.

Такие предпосылки отчётливо проявились в конце XIX – начале XX вв. Во-первых, на протяжении всего периода освоения территорий Томской губернии происходили демографические изменения в этносоциальной структуре общества, которые в итоге выразились в существенном сокращении доли аборигенов в общей численности населения и превращении крестьянства в количественно преобладающую группу, которая по этническому признаку состояла в основном из потомков первых российских колонистов и переселенцев из Европейской России. Подобное положение стало результатом действия двух взаимообусловленных процессов: усиления переселенческого движения и отставания темпов естественного прироста автохтонов от соответствующих темпов некоренных народов губернии.

Во-вторых, результатом роста численности сельского населения в условиях сохранения экстенсивного характера земледелия стало сокращение пригодных для земледелия угодий.

В-третьих, свою роль в эволюции способов землевладения у аборигенов сыграло развитие у них земледелия и переход к оседлости. Динамика зернового производства была достаточно скромной, но появление хлебопашества и смена кочевого быта полукочевым и оседлым знаменовали собой трансформации в землепользова-

нии: от захватного права к вольно-захватному и последующему переходу к переделам и поравнениям с усилением регулирующей роли общины.

Во втором разделе **«Последствия сохранения вольно-захватного способа землевладения для поземельных отношений аборигенов Томской губернии»** акцентируется внимание на совместном землепользовании крестьян и инородцев в условиях сохранения вольного захвата и последствиях этого.

Сложившееся в процессе первоначального освоения Сибири совместное землепользование русских и туземцев сохранялось на территории губернии и в начале XX в. Своим глубинным основанием оно имело евразийское наследие российского общества, которое проявлялось в политико-экономическом и этносоциальном срезах. В политико-экономическом срезе оно обнаруживалось в стремлении власти получать доход не с земли, а с производителя, давая ему право использовать в хозяйственном обороте столько земли, сколько он мог освоить, что и обуславливало отношение тяглецов к земле как собственности.

В этносоциальном срезе евразийское наследие выразилось в том, что первоначально ни на уровне властных институтов, ни на уровне групповых и межличностных контактов сибирские автохтоны не рассматривались русскими как чужеродный элемент, поэтому не подвергались изоляции от переселенцев из Европейской России. Русские обустривались рядом с автохтонами, арендуя, покупая у них земли или приселяясь к ним по приёмным приговорам. Мероприятия власти по упорядочению землепользования податных категорий в Сибири начались только в последней четверти XVIII в., когда уже сложилось чересполосное землевладение русских и аборигенов в результате захватного способа землеосвоения.

Однако такая модель поземельных отношений заключала в себе серьёзный конфликтный потенциал, поскольку приводила к вторжениям производителей в пределы хозяйственной деятельности друг друга. И если в начальный период колонизации переселенцы практически не затрагивали территории автохтонов, а тяжбы ограничивались, как правило, промысловой сферой, то с течением времени стали возникать споры не только по поводу промысловых, но и сельскохозяйственных угодий. С усилением интенсивности колонизационного потока и увеличением доли некоренного населения в условиях преобладания в сибирской экономике аграрного сектора, проблемы, связанные с указанной спецификой поземельных отношений, только нарастали.

Для крестьян, рассматривавших землю как потенциальную ниву, неправомерным и несправедливым представлялось обладание инородцами, численность которых была несопоставимо меньше численности крестьян, территориями, по размерам превосходившими территории производственной деятельности последних. Постепенно практика захвата под разными предлогами угодий у туземцев приобрела широкое распространение. Обострение ситуации наметилось в конце XIX – начале XX вв. в связи с переходом к планомерным действиям по упорядочению землепользования сельских жителей губернии в условиях массового переселенческого движения.

В третьем разделе **«Эволюция правительственной политики в отношении аборигенного землевладения и её последствия»** выявляются причины и характеризуются изменения политики государства по вопросу землевладения коренного населения, раскрываются последствия, которые это имело для аборигенов как сословия Российской империи.

Нараставшая земледельческая колонизация, обостряя отношения между землепользователями, требовала от власти установления чёткой юридической основы поземельного устройства населения Сибири. Однако задача землеустройства не являлась самоцелью, а была составной частью более масштабного плана унификации инородцев в сословно-правовом положении с крестьянством, что позволяло устранить первопричину конфликтов, связанных с особыми правами аборигенов в землепользовании, и открывало возможность направить миграционный поток на высвобождавшиеся земли, решив проблему малоземелья крестьян в европейской части страны без ликвидации помещичьего землевладения.

Для коренных народов это означало упразднение порозрядной системы, ликвидацию сословных привилегий с подчинением законодательству о государственных крестьянах и повсеместным установлением наделного землепользования.

В отстаивании прав на земли исконного обитания аборигены и в конце XIX – начале XX вв. использовали средства, появившиеся в их арсенале в предшествующий период: подача прошений о сохранении прежнего земельного размера, жалобы на неправомерные действия чиновников и лесничих, обращение в суды, отказ от участия в проектировании наделов и принятия их (как ранее при межевании), воспрепятствование в пользовании угодьями переселенцам и старожилам, которые получали земли, ранее считавшиеся инородческими. Аборигены ссылались на грамо-

ты, дарственные, на нормы «Устава» и давность владения. Апеллируя к власти, настаивали на статусе кочевых, утверждали, что неспособны оплачивать подати в силу бедственного экономического положения, связанного с изъятием земель.

Важно подчеркнуть, если в предшествующий период поземельные споры возникали между аборигенами и другими землепользователями, то с конца XIX в. противоположной стороной в конфликтах становится само государство в связи с проведением поземельного переустройства.

В конце XIX – начале XX вв., особенно в период столыпинских преобразований, политическая линия в отношении аборигенного землевладения в комплексе с другими мероприятиями: реформирование управления, налогово-податной системы, привлечение инородцев к воинской службе, означала не просто сокращение объёма их прав в землепользовании, но кардинальное изменение статусной позиции. Инородцы как особая сословная группа должны были прекратить существование, слившись с крестьянством. И в этом смысле инородческое землевладение как правовая и экономическая категория ликвидировалось.

В **заключении** подведены итоги исследования и обобщены основные выводы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях

В журнале, рекомендованном ВАК для публикации
результатов диссертационных работ

1. Леттецкая, О.М. Землевладение аборигенов Томской губернии в конце XIX – начале XX вв. в условиях сохранения вольно-захватного способа землепользования [Текст] / О.М. Леттецкая // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 342. – С. 120–122 (0,2 п.л.).

Публикации в других научных изданиях

2. Леттецкая, О.М. Трансформация аграрных отношений у аборигенов Томской губернии в конце XIX – начале XX вв. [Текст] / О.М. Леттецкая // Этнография Алтая и сопредельных территорий : матер. междунар. научно-практ. конф. / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. – Барнаул : Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2003. – Вып. . – С. 111–117 (0,6 п.л.).

3. Леттецкая, О.М. Инородческое хозяйство Нарымского края в начале XX вв. [Текст] / О.М. Леттецкая // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири : Четвертые научные чтения памяти проф. А.П. Боро-

давкина : сб. науч. тр. / под ред. В.А. Скубневского и Ю.М. Гончарова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – Кн. II. – С. 232–236 (0,3 п.л.).

4. Леттецкая, О.М. Инородческий вопрос в Сибири в конце XIX – XX вв. [Текст] / О.М. Леттецкая // Межэтнический и межконфессиональный диалог в российском обществе: проблемы толерантности : матер. межрегион. научно-практ. конф. / под ред. Л.И. Шерстовой. – Томск : Дельтаплан, 2003. – С. 73–76 (0,3 п.л.).

5. Леттецкая, О.М. К вопросу о привлечении инородцев Сибири к воинской повинности в начале XX века [Текст] / О.М. Леттецкая // Коренные народы Сибири: проблемы историографии, истории, этнографии, лингвистики : матер. регион. научно-практ. конф. 15 ноября 2002 г. / под ред. Л.Л. Селивановой. – Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2004. – С. 155–157 (0,2 п.л.).

6. Леттецкая, О.М. Представления аборигенов и крестьян Томской губернии об условиях возникновения права на землю в XIX – начале XX вв. [Текст] / О.М. Леттецкая // Известия Томского политехнического университета. – 2007. – Т. 310, № 3. – С. 179–183 (0,6 п.л.).

7. Леттецкая, О.М. Формирование политической линии российской власти в отношении аборигенного землевладения в процессе освоения Сибири [Текст] / О.М. Леттецкая // Актуальные вопросы истории Сибири : Седьмые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. – С. 87–89 (0,2 п.л.).

Тираж 100 экз.
Отпечатано в ООО «Позитив-НБ»
634050 г. Томск, пр. Ленина 34а